

Языковые утопии в культуре авангарда

Дудаков-Кашуро Константин Валерьевич

Молодой ученый

*Московский государственный университет им. М.В. Ломоносова, факультет
иностранных языков и регионоведения, Москва, Россия*

E-mail: dudakovkashuro@gmail.com

Методологическая проблема выделения авангарда в качестве самостоятельной культурно-исторической парадигмы по аналогии с культурой Ренессанса, культурой эпохи Просвещения или романтизма тем больше становится актуальной, чем в исторической ретроспекции все более обнаруживаются константные, закономерные, универсальные и взаимосвязанные идеи, лежащие в основе культуры авангарда, и «образующих в своей совокупности картину мира данной эпохи» [Гирин, С. 84], и чем более обобщаются результаты множеств исследований, посвященных различным аспектам художественного, литературного, музыкального авангарда (к таким трудам относятся, прежде всего, «теории авангарда» Р. Поджоли и П. Бюрера). Эта тенденция (представленная в России работами И. Смирнова, В. Бычкова, О. Бессонова, Ю. Гирина, Н. Сироткина и др.) подкрепляется установлением периодизации (приблизительной) и нахождением общности специфических, уникальных черт, не совпадающих (либо не вполне совпадающих) с культурной вехой зафиксированной в научной литературе как «модернизм», в которую традиционно принято включать «авангард». Назовем две такие черты, конституирующие всю культуру и эстетическое своеобразие авангарда: 1) радикальный утопизм, имевший исторические корни в утопических социально-политических концепциях, и питавшийся, с одной стороны, крайним историческим пессимизмом, а с другой, верой в возвращение к духовным первоосновам и преобразование всего универсума современным эстетическим и научным творчеством; 2) тенденция к выявлению и разработке собственно языка искусства, в самом широком понимании. Своеобразным индикатором авангардистской утопии является разработка авангардом различных проектов новых художественных и поэтических семиотических систем, в основе которых лежит отсутствие денотативной референции, и объединенных стремлением каждого из этих проектов к тотальной культурной экстраполяции. Наиболее ярким примером этого процесса могут служить до сих пор малоизученные, но весьма симптоматичные для авангардистского мировоззрения лингвопоэтические концепции итальянского и русского футуризма и швейцарско-немецкого дадаизма, свидетельствующие о смене предмета поэтической рефлексии с нечто обозначаемого языком и на языке (в лингвистическом смысле слова) на сам язык, его структурные и функциональные свойства. Несмотря на указания многих исследователей на аналогии, обнаруживающиеся при сравнительном изучении поэтических концепций названных движений (Е. Бобринская, G. Janesek, R. Kuenzli, N.A. Nillson, R. Sheppard, J.J. White и др.), компаративный анализ, в котором учитывались бы как теоретические взгляды, так и практические поэтические результаты движений футуризма и дадаизма не только с точки зрения истории литературы, но, прежде всего, с перспективы семиотики и философии языка, еще осуществлен не был. Между тем, именно контекст философии языка, а именно тот «лингвистический поворот», который произошел в конце XIX – начале XX столетия практически синхронно с первыми опытами поэтического словотворчества, позволяет перевести предмет исследования из литературоведческой плоскости в более обширный философско-эстетический план, позволяющий выявить не только основу литературно-языковых опытов, но, главным образом, мировоззренческую глубину и характер исканий мирового авангарда. Плодотворность такого исследования объясняется и философской рефлексией, направленной в частности на футуристические эксперименты, таких мыслителей как П. Флоренский и С. Булгаков, не говоря о современных философах (напр. Т. Адорно, Ю. Кристевой, Ф. Серсе и др.).

Анализ теоретических выступлений и самих поэтических текстов обнаружил необходимость дифференциации итальянского футуризма, русского кубофутуризма и различных объединений «заумной поэзии», а также швейцарско-немецкого дадаизма по отношению к проблеме языкового творчества. Так итальянский литературный футуризм, представленный, прежде всего, концепциями и работами его лидера Ф. Т. Маринетти, а также Ф. Деперо и Ф. Канджулло, оказывается сравнительно умеренным проектом редуцирования литературного языка, с заменой многих частей речи символами искусственных языков, и доминированием ономапей, призванных выразить субстанциональные свойства предмета описания, исходя более из материально-звукового подобия и ассоциативной связи, нежели чем из традиционного символического означивания, с целью звуковой передачи динамических образов нового технологического универсума, о котором грезили футуристы. Тогда как немецкоязычные дадаисты (Х. Балль, Р. Хюльзенбек, К. Швиттерс, Р. Хаусманн и др.) поэтическими формами создавали проект абсолютного языка, в котором какая-либо референция отсутствует, уступая место свободному и индивидуальному речетворчеству, разрушающему языковые нормы. Однако значение такой поэзии перестает быть просто экспрессивным, но становится символическим, так как отказ от слов нормального языка символизирует поэтическую форму отрицания, т.е. попытку сказать на языке, что прежний язык невозможен. Поскольку использование языковой нормы для такого рода утверждения означало бы самопротиворечие, то дадаисты выбирают такую позицию, в которой язык перестает быть системой, и, в конечном счете, носителем смысла. Интенции поэтов русского футуризма (В. Хлебников, А. Крученых, И. Зданевич, И. Терентьев, А. Туфанов и др.) схожи – притязание на словотворчество, призванное создать языковую реальность, альтернативную традиционной, и, как писал Д. Бурлюк: «непреодолимая ненависть к существовавшему до нас языку». Между тем, Критика обыденного, терминологического языка и, как ее следствие, потребность в поэтическом словотворчестве приводит русских «будетлян» к созданию большого корпуса теоретических языковых работ, а в случае Хлебникова, к созданию особой поэтико-лингвистической системы, не имеющей аналогов в западной литературе.

Результаты исследования показывают, что поэтические искания футуризма и дадаизма вызваны, прежде всего, глубоким ощущением кризиса европейской культуры и кризисом ее языка, который со своими принятыми, обыденными, рациональными формами потерял свою непосредственность и живую связь с миром, превратившись в набор штампов и шаблонов, за которыми уже не проступает личность и личное измерение реальности. Следует отметить, что поэтический эксперимент необходимо рассматривать как часть лингвистического поворота, предпринятого лингвистами, философами и поэтами на рубеже веков, вызванного кризисом рационализма, механистической и релятивистской трактовкой языка, и, связанными с этим утилитаризмом и прагматизмом. Лингвистическая революция, совершенная поэтическими средствами в футуризме и дадаизме, представляет собой отчаянную, искреннюю и утопическую попытку обретения органической целостности Абсолюта в пост-христианском мире, в котором несмотря ни на что сохраняется необходимость веры и тайны преображения мира.

Литература:

1. Гирин Ю.Н. Авангард как стиль культуры // Художественные ориентиры зарубежной литературы XX века. – М., 2002.